

Служанка, только что вернувшаяся с улицы, смахнула с лица дождевые капли и сообщила, что Шестой принц не в своих покоях. Весь Чертог Чэнлань был не так уж велик, но отыскать в нём человека ночью оказалось непросто. Люй-и в панике велела всем взять зонты и отправиться на поиски. Принц ещё не оправился от болезни, если теперь простудится на ветру, кашель будет мучить его несколько месяцев, а зима уже на пороге...

Обойдя галерею и пересекши двор, Люй-и заметила, что подол её платья изрядно выпачкан дождём и грязью. Среди раздававшихся со всех сторон возгласов «Ваше Высочество!» её вдруг осенило, и она поспешила во внутренний двор.

Она помнила, как в детстве Сяо Цичэня, когда его наказывали, Чжоу Жунхуа отправляла под старое османтусовое дерево — размышлять о проступках. Ступая по каменным плитам, утопавшим в грязи, она с трудом добралась до заднего дворика. Свет фонаря почти гасило дождём, и, прищурившись, она разглядела под деревом одинокую фигуру в тонкой одежде, с исхудалой и хрупкой спиной.

— Ваше Высочество! — Люй-и подбежала, накрыв зонтом Сяо Цичэня. — Что вы здесь делаете?

Она служила ему много лет и иногда позволяла себе вольности без последствий. Схватив его ледяную руку, она с нежностью и раздражением произнесла:

— Вы же ещё больны, зачем вышли в такой холод и дождь? Ваше Высочество, вы...

Слова застряли у неё в горле, когда при слабом свете фонаря она разглядела лицо Сяо Цичэня.

Оно было землисто-бледным, словно у изысканно раскрашенной куклы, сохранившей лишь красивую оболочку, тогда как внутри всё давно развалилось и готово было рассыпаться от малейшего прикосновения.

Люй-и никогда не видела его таким. Осторожно подняв руку, она хотела отвести мокрые от дождя волосы с его лица. Когда её пальцы коснулись уголка его глаза, она вдруг замерла.

— Ваше Высочество... Вы плачете?

Сяо Цичэнь стоял будто без души, и от её прикосновения он чуть не рухнул. К счастью, Тянью и Тяньхуэй вовремя подроспели и поддержали его. Люй-и, разгневанная, выкрикнула:

— Где вы были?! Как допустили, чтобы принц так промок?

Тяньхуэй, сознавая свою вину, молча взвалил Сяо Цичэня на спину.

Тянью же произнёс:

— Его Высочество сказал, что ему тяжело на душе, и велел не беспокоить его.

Осенний дождь, опавшие листья платана... Словно сама тоска сгустилась и ушла в землю.

Под утро у Сяо Цичэня поднялась сильная горячка. Лежа в полубреду, он смутно припомнил, как однажды осенью шёл такой же сильный дождь, и тогда рядом кто-то сказал: «Хочешь сладкого? Я помню, ты любишь».

Авторское примечание: Сегодня выложу побольше, завтра уезжаю — не успею писать. Придётся сделать перерыв, друзья...

Новость о том, что Сяо Цичэнь снова слег с температурой, Су Янь узнал от Се Хуэя.

Едва женившись, он оказался втянут в бесконечные домашние дела. На следующий день молодая жена должна была навестить родителей, и Су Янь отправился с ней. Повидав новых родственников, он был вынужден подолгу беседовать с Цензором, что изрядно его вымотало.

В последующие дни приходили с поздравлениями, и Су Янь, устав от этого, попросту спрятался в Гвардии доблестной кавалерии, возвращаясь домой лишь глубокой ночью. Он приходил поздно и не заходил в восточные покои, а пробирался в маленькую комнату, где раньше жил с Су Цзинем, укладывался спать, что вызывало недоумение у Ли Жун. Та робко спрашивала, не обидела ли она его.

Днём его поглощала служба, а Ли Жун, хоть и была заботливой, со временем стала проявлять навязчивость, по ночам постоянно о чём-то расспрашивая, словно ей было всё любопытно. В результате Су Янь чувствовал себя измотанным и телом, и душой.

Когда появился Се Хуэй, Су Янь узрел в нём спасителя и с выражением глубочайшей признательности на лице увёл его из дома.

Спустя три четверти часа Су Янь вскричал:

— Что?! А Чэнь заболел?!

Се Хуэй неспешно налил себе чашку чая. — А то! Слышал, он уже почти две недели не встаёт с постели. Сегодня я, польстившись на выходной, выпросил у деда пропускной жетон для Тайчэна и прокрался в Чертог Чэнлань навестить его. Принц наш... Не знаю я, что с ним всё в порядке, решил бы, что он при смерти.

С каждым словом Се Хуэя Су Янь беспокоился всё сильнее и в конце концов почти прильнул к его уху, восклицая:

— Так что же с ним? В чём дело? Пьёт ли лекарства? Спит ли по ночам?

Се Хуэй усмехнулся. — Так переживаешь — сам бы сходил проведал!

Казалось, он только этого и ждал, чтобы подколоть приятеля. Су Янь, сдерживая досаду, лишь бросил на него убийственный взгляд.

Насладившись зрелищем, Се Хуэй наконец неспешно пояснил:

— Ничего серьёзного, жар уже спал, просто совсем без сил, не может подняться. Принц наш, если красиво выразиться, — болезненный красавец: летом — солнечный удар, осенью — простуда. Большую часть года хворает — Люй-и говорит, душевная рана, ни в чём не признаётся, всё в себе держит, вот и переросло в застарелую хворь.

— Душевная рана? — машинально повторил Су Янь, а затем с досадой добавил:

— Да какие у него могут быть переживания? Никогда мне о них не рассказывал.

Услышав это бессердечное замечание, Се Хуэй, лишь вчера изведавший всю подноготную, чуть не задохнулся от ярости. Он одним глотком осушил чашку горячего чая и, кривя губы в улыбке, процедил:

— Сам иди спроси!

Су Янь молча посмотрел на него, а через мгновение поднялся и ушёл.

Се Хуэй, развалившись на стуле и вытянув ноги, зевнул и с усмешкой подумал: «Забавная же парочка».

Он припомнил, как накануне уговаривал Сяо Цичэня отпустить ситуацию: «Ничего силой не возьмёшь, к тому же на сердце у тебя и без того груз. Уж эти-то любовные терзания пора бы позабыть — и тебе, и Су Яню будет лучше».

Се Хуэй редко пускался в такие увещевания, но Сяо Цичэнь лишь спросил: «Неужто не удивился?»

«Люди, верша суд, руководствуются тремя началами: чувством, разумом и законом. Чувство — впереди. Вы с детства росли бок о бок, если бы меж вами и впрямь не было ничего лишнего, я бы усомнился, есть ли в тебе вообще человеческое».

«Границу переступил я, — сказал Сяо Цичэнь. — Он ни при чём».

На что Се Хуэй лишь усмехнулся в ответ.

Лёгкий прохладный ветерок коснулся шеи, и Су Янь почувствовал, как по коже побежали мурашки. То самое чувство растерянности и немоты вновь подступало, готовое захлестнуть с головой.

Он не сел на коня, а пешком двинулся по проспекту Чжуцюзэ до Западных ворот. Словно сама судьба была к нему благосклонна: покружив у ворот, Су Янь случайно столкнулся с Великим наставником Цзэн Сюем. В юности он два года обучался у него, показывая средние успехи. Су Янь изложил свою просьбу, и Цзэн Сюй без лишних вопросов провёл его в Тайчэн.

Просто повезло — все ведь знали, что Императорская академия расположена внутри дворцовых стен.

Распрощавшись с Цзэн Сюем у ворот академии, Су Янь не раз поблагодарил его и проводил взглядом, пока тот не скрылся в здании. Затем он повернулся и зашагал прочь. Давненько он не бывал в Тайчэне, но планировку дворцовых покоев помнил с детства, словно в голове у него хранилась карта со всеми извилистыми тропками, ведущими напрямик к цели.

Увидев зелёную черепицу крыши Чертога Чэнлань, Су Янь замер, и дыхание его внезапно участилось. Подойдя к воротам, он тихо постучал в дверное кольцо. Через мгновение дверь отворилась.

Люй-и, увидев его, изумилась: «...Маленький маркиз?»

Су Янь сдержанно улыбнулся и сразу перешёл к делу: «Слышал, принц прихворнул. Пришёл проведать».

Последний раз они с Сяо Цичэнем оставались наедине ещё в сезон Дождей.

Тогда на севере шли ожесточённые бои, а в Цзиньлине царили мир да покой. В Чертоге Великого Предела не было и намёка на настроение «победить или умереть», и Су Янь в одну из лунных ночей обнял Сяо Цичэня и уснул.

Позже он бесцётное число раз вспоминал то утро, когда весенний дождь ещё не набрал

полную силу, а его друг, с которым он был знаком почти десять лет, с прекрасной улыбкой приблизился и нежно коснулся его губами.

Су Янь слышал от Се Хуэя о девушках с реки Циньхуай — статных, с цветущими лицами. Они, гибкие как ивы, приникали к мужчинам, окутывая их дурманящим ароматом духов и цветов. Се Хуэй, не стесняясь, вещал при Су Яне и Сяо Цичэне о своих мимолётных утехах, заключая: «В сравнении с сиюминутными связями, один лишь поцелуй способен оставить в душе неизгладимый след».

Тогда Су Янь покраснел, и они с Сяо Цичэнем, словно малые дети, изо всех сил старались сохранить невозмутимость. Но он и представить не мог, что слова Се Хуэя окажутся пророческими: даже в брачную ночь в памяти его всплывали губы Сяо Цичэня.

Тёплые с утра, мягкие и сладкие на ощупь, с лёгким ароматом османтуса, исходившим от его волос.

<http://bllate.org/book/15940/1425132>